

повторная публикация русского текста сочинения М. Борманжинова «Путь к истине», изданного в начале XX в. и сохранившегося в архивах всего в трех экземплярах, один из которых был подарен лично Николаю II, а другой принадлежал А.А. Ухтомскому.

Небольшая заметка И.А. Бунина о драматической судьбе калмыцкого народа в годы гражданской войны, опубликованная в 1920 г. в парижской газете «Общее дело», долгие годы была недоступна для историков Калмыкии, а при ее перепечатке в 1990 г. в одном из одноименных сочинений писателя осталась незамеченной специалистами.

Публикация заметки И.А. Бунина в новом выпуске альманаха, с одной стороны, приближает этот любопытный исторический источник к профессиональной среде востоковедов, а с другой – характеризует разносторонность интересов И.А. Бунина и его внимание к калмыкам и их культуре. Видимо, неслучайно и то, что тема «И.А. Бунин и буддизм» привлекла внимание специалистов и в последние годы стала предметом специальных литературоведческих исследований.

Публикация Е.В. Белодубровского «Свен Гедин – адресат Бадмы Уланова» представляет биографический материал о калмыцком общественном деятеле Б. Уланове (1885–1969), а также текст его письма к шведскому путешественнику Свену Гедину, датированного 10 января 1936 г. Письмо Бадмы Уланова – интересный исторический документ, отражающий стремление оказавшихся в эмиграции калмыков сохранить родной язык и изучать культуру своего народа. В связи со сказанным хотелось бы отметить, что история зарубежной калмыцкой диаспоры в последние 80 лет может служить ценным примером сохранения и развития родного языка и духовной культуры для представителей этноса, оказавшихся вне исторической родины.

Заметка Е.Д. Огневой «Илья Мечников и его встречи с буддизмом» содержит описание калмыцкой иконы, хранящейся ныне в Киеве и подаренной в свое время калмыками И.И. Мечникову во время его путешествий по калмыцким степям, а также дает краткие сведения об архиве и коллекции ученого-медика.

Все публикации двух увидевших свет выпусков альманаха «Orient» строго выдержаны по тематике, вынесенной в подзаголовок издания, выполнены на высоком научном уровне, содержат новые материалы и основываются на архивных документах.

Альманах «Orient» представляет большой познавательный интерес как для ученых-гуманитариев, так и для широких читательских кругов. Его публикации отражают новое течение в историографии буддийской культуры в России и новые взгляды на трактовку этой тематики и знаменуют собой значительный прогресс в российском востоковедении, истории и этнографии. Без сомнения, новое издание вносит весьма ценный вклад в изучение истории отечественной востоковедческой науки, а также истории и культуры бурятского и калмыцкого народов.

А.А. Бурькин, С.Г. Кляшторный

© 2001 г., ЭО, № 4

А.Е. Загребина. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск, 1999. 185 с.: ил.

Книга А.Е. Загребина – первая монография, посвященная этнографическому изучению удмуртской народной культуры финскими учеными XIX – первой половины XX в. Она состоит из двух обширных глав. В первой автор рассматривает жизненный путь и творческую лабораторию финских ученых, специализировавшихся в тех или иных областях финноугроведения как комплексной отрасли знаний, а во второй анализирует вклад финских ученых в исследование материальной и духовной культуры удмуртов. Каждая из глав подразделяется на ряд параграфов, способствующих не только лучшей систематизации, но и интерпретации материала. Книге предпослано небольшое вступление, принадлежащее перу известного удмуртского этнографа В.Е. Владыкина. В работе мы найдем также введение, заключение, резюме на английском языке (с. 161–165), списки опубликованных источников и литературы, сокращений.

Следует сказать, что рецензируемая работа посвящена актуальной теме, имеющей немалую научно-теоретическую значимость. «К сожалению, – отмечает автор, – интересные и во многом уникальные

материалы, собранные и частично опубликованные финскими учеными, практически еще малоизвестны и, следовательно, почти не востребованы удмуртской этнографией. Кроме того, сами личности финских ученых были известны отечественным исследователям по большей части фрагментарно, однобоко, а порой незаслуженно очернялись. В связи с этим основной целью предпринятого исследования является попытка определения роли финских ученых в процессе становления и развития этнографического изучения культуры удмуртского народа» (с. 5).

Как известно, интерес к исследованию финно-угорских народов среди ученых Финляндии, вошедшей в состав Российской империи в качестве великого княжества в 1809 г. после русско-шведской войны, зародился еще в первой половине XIX в., сначала в области языкознания. Рост национального самосознания финнов стимулировал обращение к исследованию этнических корней, к поискам прародины, к анализу проблем становления своего народа, его языка и культуры, выявления его этногенетических и этнокультурных связей.

Важно отметить, что интенсивная исследовательская деятельность финских ученых среди родственных финнам народов в XIX – начале XX в., несмотря на некоторую специфику Финляндии как региона, протекала в тесном контакте с российскими университетами, музеями, подразделениями Императорской С.-Петербургской академии наук и отдельными учеными, занимавшимися финно-угорскими проблемами. Кроме того, она способствовала привлечению к научной работе представителей нарождавшейся финно-угорской интеллигенции России.

31 декабря 1917 г. советское правительство признало государственную независимость Финляндии. Однако обстоятельства стали развиваться таким образом, что советско-финские отношения приобрели напряженный характер, научные и культурные связи прерывались, немногочисленные кадры финно-угроведов, имевшиеся в СССР, подвергались репрессиям, что, в частности, на удмуртских по преимуществу материалах показано местными авторами¹. Были годы, когда «политической ошибкой» считалось даже упоминание о родстве мордовских, марийских или удмуртского языков с финским. Все это крайне негативно отражалось на изучении этноистории всех финно-угорских народов бывшего СССР.

Последовавшее по окончании Второй мировой войны значительное потепление советско-финляндских отношений стимулировало развитие научных и культурных контактов между странами, но существовавшие до последнего времени идеологические барьеры не позволяли отечественным ученым давать объективную оценку значимости «финского наследия» в истории изучения финно-угорских народов России, что побуждает сегодня многих финно-угроведов по-новому осмыслить работы финских этнологов, лингвистов и фольклористов XIX–XX вв. как по сообществу финно-угорских или уральских народов в целом, так и по каждому из них в отдельности².

Именно по последнему пути пошел А.Е. Загребин, исследующий проблемы этнографии удмуртов в освещении финских ученых XIX и первой половины XX в. Автор успешно решил поставленные задачи: 1) выявил труды финских ученых этого периода, содержащие информацию об удмуртах; 2) намечил основные этапы и направления исследований удмуртского этноса в контексте развития финно-угроведения в Финляндии в указанный период; 3) проанализировал уровень проведенных исследований, методологию и методику, использованные финскими учеными при рассмотрении проблем удмуртоведения, с учетом преэминентности научных взглядов и многообразия авторских позиций.

Для решения указанных задач был выбран соответствующий круг источников, как отечественных, так и зарубежных на финском, немецком, английском, шведском, венгерском, французском, русском и удмуртском языках. В их числе наибольшую значимость имеют труды финских ученых по удмуртоведению, основанные на данных полевых сборов и наблюдений, а также архивные и музейные материалы, хранящиеся в научных учреждениях и организациях Финляндии (Архивы Финно-угорского общества, Финского литературного общества, Архив и библиотека Хельсинкского ун-та, Архив этнографических рукописей Музейного ведомства Финляндии, Фотоизобразительный архив указанного же ведомства, Государственный архив Финляндии).

Автор широко использовал другие группы источников: материалы финских энциклопедических серий, биографических справочников, периодических журналов российских и финляндских государственных ведомств, научных организаций и обществ, таких как Императорская С.-Петербургская академия наук и Академия Финляндии, Императорское Русское географическое общество, Музейное ведомство Финляндии, Финское литературное общество, Финно-угорское общество, Общество археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете и др.

Монография А.Е. Загребина – первое фундаментальное исследование длительного процесса изучения

финскими учеными жизнедеятельности удмуртского народа – одного из крупных финно-угорских этносов Восточной Европы, его этнической истории, хозяйства и материальной культуры, общественного и семейного быта, духовной культуры. Предшествовавшие труды, созданные в этой области финно-угроведения, носили фрагментарный характер, касались лишь частных аспектов темы и, несмотря на свою ценность, не охватывали всего комплекса этнологических проблем удмуртоведения. Если раньше исследовательская деятельность финских ученых среди удмуртов была известна лишь в общих чертах, то благодаря изысканиям А.Е. Загребина мы имеем почти исчерпывающую информацию по этой проблематике.

История изучения проблем традиционной культуры удмуртов финскими учеными, хотя и с определенной долей условности, подразделена автором на два основных периода: первый (начало XIX в. – 1890-е годы) – становление финно-угорских исследований в Финляндии, накопление эмпирических данных, характеризующих различные стороны материальной и духовной культуры удмуртов, и второй (конец XIX в. – 1940-е годы), когда наряду с продолжающимися полевыми сборами происходили осмысление и обобщение ранее собранного материала (с. 81). «Можно с уверенностью сказать, – констатирует автор, – что почти за полтора столетия научных исследований финским ученым удалось собрать ценный эмпирический материал и рассмотреть многие важные проблемы из комплекса духовной и материальной культуры, оставив значительный след в истории этнографии удмуртов» (с. 153). В ряду этих ученых особенно заметны имена А. Шегрена, Т. Аминоффа, А. Генеца, Ю. Вихманна, А. Хейкеля, У. Сирелиуса, А. Хямляйна, У. (Хольмберг)-Харва.

Ведущие финские ученые отправлялись в Волго-Камье, на Урал и в Сибирь, чтобы ознакомиться с жизнью и бытом волжских финнов, пермских народов и обских угров, не только не имевших на рубеже XIX–XX в. своих научных кадров, но и в преобладающем своем большинстве неграмотных, еще не вполне осознававших ценность своей традиционной культуры. Трудами финских, русских, венгерских и немецких ученых были собраны богатейшие материалы по фольклору, языкознанию, истории и культуре удмуртов, составившие поистине «золотой фонд», материалами которого пользуется широкий круг современных специалистов разного профиля.

Привлекая к научной работе представителей молодой финно-угорской интеллигенции, организуя им стажировки в Финляндии и поддерживая их морально и материально, финские исследователи способствовали подготовке первых ученых из среды финно-угорских народов России, которые в свою очередь поддерживали тесные научные контакты с финскими учителями до тех пор, пока это было возможно.

Но этим значимость вклада финских ученых в развитие удмуртоведения не ограничивается. Решая свои строго определенные научные задачи, они выступали еще и как просветители-популяризаторы научных знаний. Публикуя свои статьи и книги по удмуртскому народу на западноевропейских языках, они способствовали ознакомлению народов Зарубежной Европы и других частей света с удмуртами, получению о них более обстоятельной и правдивой информации, что было важно не только с чисто познавательной, социокультурной, но и политической точки зрения. Как известно, с 1892 по 1896 г. в России (в уездных городах Малмыж и Елабуга Вятской губ. и в г. Мамадыш Казанской губ.) проходил печально знаменитый «Мултанский процесс», в ходе которого удмурты обвинялись в ритуальных человеческих жертвоприношениях; публикации об этом «деле», далеко не всегда достоверные, встречались на страницах многих газет и журналов не только в России, но и в зарубежных государствах³.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что А.Е. Загребину удалось верно осветить многие, до того неизвестные аспекты научной деятельности финских ученых среди удмуртов, получить ответы на не совсем ясные или совсем неясные вопросы истории этнографии удмуртов и констатировать, что финский компонент не только занимает видное место в исследовательском пространстве удмуртской истории и культуры XIX – первой половины XX в., но, что самое главное, «сыграл существенную роль в подготовке последующих этапов и активизации комплексного изучения удмуртов отечественными и зарубежными исследователями» (с. 160).

В силу известных причин, о которых упоминалось в начале рецензии, данное исследование по существу не могло состояться ранее. Оно стало возможным лишь ныне, когда выбрасываются «на свалку» истории многие политические препоны и идеологические шоры, укрепляются межгосударственные и межэтнические российско-финляндские связи. Книга А.Е. Загребина – словно возвращение долгов как финнам, так и удмуртам, выражение признательности и благодарности молодого удмуртского ученого своим выдающимся предшественникам, попытка восстановить некогда разорванную связь времен, поколений и народов. Думается, попытка эта принесет свои благодатные результаты.

¹ Куликов К.И. Удмуртская автономия. Ижевск, 1990; *его же*. Национально-государственное строительство восточнофинских народов в 1917–1937 гг. Ижевск, 1993; *его же*. Дело «Софин». Ижевск, 1997; Кузнецов Н.С. Из мрака... Ижевск, 1994; Мокшин Н.Ф. М.Т. Маркелов и этнографическое изучение финно-угорских народов // Этнограф. обозрение. 1994. № 6; Ермаков Ф.К. Кузубай Герд. Ижевск, 1996; *его же*. Современники о Кузубае Герде. Ижевск, 1998.

² Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. История этнографии удмуртов. Ижевск, 1984; Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993; Шлыгина Н.В. История финской этнологии (1880–1980 гг.). М., 1995.

³ Шатеништейн Л.С. Мултанское дело. Ижевск, 1960.

Н.Ф. Мокшин

© 2001 г., ЭО, № 4

Л.И. Ник о в а. «От Адама и Евы – до наших дней (очерки народной медицины мордвы)». Саранск, 2000. 172 с.

С появлением Человека на Земле началась его борьба за свое существование и выживание, сохранение здоровья. Он искал и находил средства предупреждения различных недугов и избавления от них. Ныне совокупность накопленных человечеством знаний, целительных методов и средств называется народной медициной. Сведения о ней доходят до нас из глубины веков. Они отражены в произведениях врачей древнего мира: Гиппократ, Гален, Ибн Сины (Авиценны) и многих других. Традицией русской медицины всегда было уважение к рациональным основам медицинских знаний народа, введение в практику некоторых их средств. Эти знания использовали русские медики М.Я. Мудров, Ф.И. Иноземцев, С.П. Боткин, Г.А. Захарьин и др. Историкам медицины Л.Ф. Змееву, Г.И. Скопиченко принадлежат оригинальные исследования по народной медицине.

Автор рецензируемой работы – известный специалист в области традиционных медицинских знаний. Она не раз была организатором различных научных мероприятий (семинаров, конференций, секций на конгрессах и пр.), на которых обсуждались эти вопросы. Ее устные сообщения всегда вызывали интерес, оживленную дискуссию и получали высокую оценку слушателей-специалистов. Л.И. Никонова – неутомимый собиратель этнографической и медицинской информации, жаждущая прежде всего сохранить знания, достижения народа, а также в систематизированном виде передать их ныне практикующим лекарям и врачам.

Рецензируемая работа – продолжение книги Л.И. Никоновой «Тайны мордовского целительства» (Саранск, 1995), в которой обобщен многовековой опыт мордовской народной медицины, рассмотрены методы лечения с использованием средств растительного, животного и минерального происхождения, физиотерапевтические средства, народная хирургия и применение заговоров. Многие из этих методов доньше успешно используются в народной и научной медицине.

В рецензируемой работе впервые анализируются материалы, характеризующие народную медицину мордвы, проживающей за пределами Республики Мордовия, полученные в результате научных этнографических экспедиций в места компактного проживания мордовского населения на территории Республики Башкортостан, Пензенской и Самарской областей. Автор отмечает, что более подробно со всеми материалами можно ознакомиться в Рукописном фонде библиотеки МНИИЯЛИЭ при Правительстве Республики Мордовия и экокультурной ассоциации «Поволжье» (г. Самара). В работу включены данные архивных источников, но в большей мере автор ориентировался на собственные изыскания (полевые дневники и видеозаписи бесед с информаторами, рецепты лечения, тексты заговоров). Книга вводит в научный оборот два интереснейших документа: «Народный лечебник» и «Каталоги медикаментов аптеки Саровского мужского монастыря» (хранящиеся в ЦГА Республики Мордовия), составленные, вероятно, одним из иноков, владевшим основами народной медицины не одного этноса.

В первом разделе книги «От чистого сердца (из опыта народной медицины башкирской мордвы)» автор пишет: «Пожалуй, это главный принцип, которым руководствуются местные врачи-целители мордовских сел